

В. Г. Белинский

Тарантас

Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба.

Санктпетербург. 1845

В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. II
ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948
Под общей редакцией Ф. М. Головешченко
Редакция С. П. Бычкова
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmn@lib.ru>

В современной русской литературе журнал совершенно убил книгу. Между разным балластом, все-таки только в журналах, - разумеется, лучших (которых так немного), - можно встречать более или менее замечательные произведения по части изящной литературы. Сюда должно отнести еще сборники, или альманахи: в лучших из них тоже попадаются иногда хорошие пьесы {Так, например, в альманахе "Вчера и сегодня" публика прочла два отрывка из двух сочинений в прозе, начатых Лермонтовым, и прекрасный юмористический рассказ графа Соллогуба "Собачка".{438}}. Но хорошая книга теперь истинная редкость, так что критикам и рецензентам *ex officio* {По должности. - *Ред.*} приходится хоть совсем не упоминать о книгах и вместо их разбирать вновь выходящие книжки журналов и даже листки газет. Тем большее внимание должна обращать критика на всякую книгу, сколько-нибудь выходящую из-под уровня посредственности. Нечего и говорить, что появление книги, которая слишком далеко выходит из-под этого уровня, должно быть истинным праздником для критики. К таким редким книгам принадлежит "Тарантас" графа Соллогуба. Несмотря на то, что из *двадцати* глав, составляющих это произведение, целых *семь* глав были напечатаны в "Отечественных записках" еще в 1840 году, "Тарантас" - столько же новое, сколько и прекрасное произведение, которое своим появлением составило бы эпоху и не в такое бедное изящными созданиями время, каково наше. Семь глав "Тарантаса", давно уже известных публике, давали понятие только о достоинстве целого произведения, а не о идее его, прекрасной и глубокой, которую можно понять только по прочтении всего сочинения, проникнутого удивительною целостностью и совершенным единством. Многие видят в "Тарантасе" какое-то двойственное произведение, в котором сторона непосредственного, художественного представления действительности превосходна, а сторона воззрений автора на эту действительность, его мыслей о ней будто бы исполнена парадоксов, оскорбляющих в читателе чувство истины. Подобное мнение несправедливо. Те, кому оно принадлежит, не довольно глубоко вникли в идею автора, и *объективную* верность, с какою изобразил он характер одного из героев "Тарантаса" - *Ивана Васильевича*, приняли за выражение его личных убеждений, тогда как на самом деле автор "Тарантаса", столько же может отвечать за мнения героя своего *юмористического* рассказа, сколько, например, Гоголь может отвечать за чувства, понятия и поступки действующих лиц в его "Ревизоре" или "Мертвых душах". Между тем ошибочный взгляд лучшей части читателей на "Тарантас" очень понятен: при первом чтении может показаться, будто бы автор не чужд желаний, хотя и не прямо, а предположительно, высказать, через Ивана Васильевича, некоторые из своих воззрений на русское общество, - и тем легче увлечься подобным ошибочным мнением, что необыкновенный талант автора и его мастерство живописать действительность лишают читателя способности спокойно смотреть на картины, которые так быстро и живо проходят перед его глазами. Мы сами на первый раз увлеклись резким противоречием, которое находится между этими беспрестанно сменяющимися и беспрестанно поражающими новым удивлением картинами, и между странными - чтоб не сказать, нелепыми мнениями Ивана Васильевича. Это заставило нас забыть, что мы читаем не легкие очерки, не силуэты, а произведение, в котором характеры действующих лиц выдержаны художественно и в котором нет ничего произвольного, но все необходимо проистекает из глубокой идеи, лежащей в